

БОРИС СОКОЛОВ

ОХОТА НА СТАЛИНА,
ОХОТА НА ГИТЛЕРА.
ТАЙНАЯ БОРЬБА
СПЕЦСЛУЖБ

Военно-историческая библиотека (Вече)

Борис Соколов

**Охота на Сталина, охота на
Гитлера. Тайная борьба спецслужб**

«ВЕЧЕ»

2018

Соколов Б. В.

Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб
/ Б. В. Соколов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Военно-историческая
библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8260-1

Автор книги известный историк и публицист Борис Соколов предлагает читателям заглянуть за кулисы тайной борьбы спецслужб великих держав, пытавшихся в ходе Второй мировой войны организовать покушения на руководителей противостоящих им государств. Какие покушения планировались на Гитлера и Сталина, почему они не увенчались успехом, какую роль в этом сыграли разведслужбы Германии и СССР? На эти и другие вопросы отвечает в своей книге автор.

ISBN 978-5-4484-8260-1

© Соколов Б. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Предисловие	5
Самоубийство путем террористического акта	7
Выстрелы в Смольном	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Борис Вадимович Соколов

Охота на Сталина, охота на Гитлера

Тайная борьба спецслужб

Предисловие

Мы довольно неплохо осведомлены о советских разведчиках и агентах периода Второй мировой войны в Германии и Японии. Много книг и статей написано о так называемой «Красной капелле» – разветвленной сети советской разведки в Западной Европе, особенно в Германии, где на СССР работала большая группа офицеров и чиновников, занимавших ответственные посты в штабах и министерствах. Имена лейтенанта Харро Шульце-Бойзена, профессора Арвида Харнака и многих других участников «Красной капеллы» теперь широко известны. Интересно, что почти все они сотрудничали с советской разведкой не из-за денег, а по идейным соображениям, будучи глубоко убеждены, что Гитлер и его режим несут страшную угрозу Германии и всему миру.

Немало написано книг и снято фильмов о разведчиках Николае Кузнецове и Рихарде Зорге, одно время ставших культовыми историческими фигурами. Такой легендарной фигурой до сих пор остается и Рудольф Абель. Вот только о его работе в Германии в военную пору обычно говорят глухо и не слишком внятно.

В последние годы списки «наших людей в Берлине» пополнились новыми именами, в частности благодаря книге Павла Судоплатова «Разведка и Кремль». В ней, например, много рассказано о прототипе лихого советского разведчика Штирлица из романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны». Роман был экранизирован в виде телесериала режиссером Татьяной Лиозновой, и благодаря этой монументальной ленте Штирлиц стал неслучайным настоящим народным любимцем и персонажем анекдотов. Однако судьба прототипа была куда печальнее. Осенью 1942 года работавший на НКВД офицер гестапо Вильгельм Леман был арестован в Берлине и казнен, причем о казни не знала даже его жена (официально Леман до конца войны числился пропавшим без вести). Кстати сказать, и для этого агента материальный стимул явно не был главным в сотрудничестве с советской разведкой, и, как и большинство деятелей «Красной капеллы», он за свою смертельно опасную работу в конечном счете получил в вознаграждение смерть.

Конечно, далеко еще не обо всех выдающихся советских агентах в Германии сегодня известно совершенно всё. Однако архивы свидетельствуют, что с конца 1943 года, когда в Швейцарии была арестована группа Шандора Радо, информации стратегического значения из-за линии фронта в СССР больше не поступало. Некоторые источники Радо до сих пор не раскрыты, и есть основания полагать, что ряд агентов на самом деле поставляли ему дезинформацию, подготовленную германскими спецслужбами.

Иную картину мы наблюдаем в отношении немецких агентов в Советском Союзе, действовавших в годы Великой Отечественной войны. О них в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий почти ничего не писали. До сих пор не было публикаций даже о разоблаченных немецких шпионах, занимавших более-менее заметное положение в советских учреждениях и штабах и поставлявших германскому командованию в той или иной мере ценную информацию. Обычно мемуаристы-контрразведчики и историки советской разведки и контрразведки сообщают только о захвате разведывательных или диверсионных групп вскоре после перехода ими линии фронта и успешных радиоиграх, которые вели чекисты с абвером (немецкой военной разведкой) с помощью попавших в их руки и перевербованных радистов. При этом

сохраняется миф о полной недоступности советского общества для вражеской агентуры в годы войны, по крайней мере, во всех значительных военно-политических и экономических сферах. Создается впечатление, что серьезных агентов у немцев в наших высших штабах (начиная от штаба армии) и гражданских учреждениях (наркоматы, ГКО и др.) не было. Положим, историки и мемуаристы не кривят тут душой и в 1941–1945 годах действительно не было разоблачений крупных немецких шпионов. Но если не было разоблачений, это вовсе не значит, что не было агентов. Напротив, опубликованные после войны немецкие документы свидетельствуют, что в Германию приходили важные донесения, которые отнюдь не были плодом дезинформации с советской стороны в ходе радиоигр.

По утверждению генерала Судоплатова, вплоть до 1943 года советская разведка всерьез рассматривала возможность организации покушения на Гитлера. Потом Сталин приказал прекратить эту тайную работу, опасаясь, что с преемниками фюрера западным державам легче будет договориться о сепаратном мире. Я коснусь и этой версии и попытаюсь ответить на вопрос, существовал ли у нас план устранения Гитлера в действительности.

Но германские и японские спецслужбы в СССР занимались не только разведкой. Есть сведения, что они готовили покушения на Сталина, однако, как известно, не достигли в этом успеха. Правда, никаких надежных документов на сей счет пока так и не найдено. Все версии основываются только на послевоенных воспоминаниях офицеров разведывательных органов Германии и Японии.

Самоубийство путем террористического акта

В 20-е и 30-е годы несколько террористов-одиночек предприняли попытки покушения на Сталина и других советских вождей. Самая знаменитая из них – убийство Кирова в Смольном, как известно, удалась. А вот более ранняя попытка теракта, жертвой которого могли стать Сталин, Бухарин или Рыков, провалилась, причем не из-за бдительности охраны, а лишь из-за нерешительности горе-террориста.

12 марта 1927 года советская история чуть было не пошла по иному пути, чем мы привыкли читать в учебниках. И ее ось мог повернуть разочаровавшийся в советской власти и в собственной жизни 24-летний репортер большевистской газеты «Правда» Соломон Наумович Гуревич, в глубине души придерживавшийся меньшевистских убеждений. Но подвела сына владельца галантерейного магазина в Кременчуге сначала собственная нерешительность, а потом – слишком откровенное письмо к своей знакомой – некоей Вайнштейн-Златовой. Там Гуревич рассказал, как он собирался прихватить с собой в могилу кого-нибудь из вождей большевистской партии. Писать роковое письмо, оказавшееся потом в руках ОГПУ, Соломон начал в полночь 12 марта:

«Ну, что дальше.

Раньше все думал, вот только попасть внутрь и тогда там, внутри, во время торжеств ты.

Ну, вот сегодня и билет в Большой театр достал, и на трибуну пролез, и револьвер в кармане был, и он – тот, которого ты хотел убить, – Бухарин, мимо тебя прошел, а ты, ты почему не выстрелил?

Или храбрости не хватало, или раздумал – жить захотелось.

Нет, ни то и ни другое.

И жить больше не хочется и храбрость нужная была, но вот это самое проклятое „но“ и помешало.

Всегда это самое „но“ мне мешает сделать то, что сделать я желаю.

Как это типично для меня и для всех т. н. интеллигентов.

Никогда дела не следуют за словами.

„Суждены нам благие порывы“. Вот взять сегодняшним случаем.

Ведь казалось все предрешил.

Я решил, что жить не стоит. Я решил умереть.

Но так просто умирать я не хотел.

Я решил застрелить кого-либо из „людей власть имущих“ – хотел Сталина или Рыкова.

Это обеспечило бы мне смерть и не простую смерть путем самоубийства, а путем террористического акта.

Хотел я сделать „это“ 21 января – в день годовщины Ленина, тогда в Большом театре заседание торжественное было. Но (вот опять это „но“).

Я этого тогда не сделал.

Не сделал я потому, что билета на заседание у меня не было, а ждать у входа, неизвестно у какого и сколько ждать, мне казалось бессмысленным.

Хотел я „это“ сделать 23 февраля (в день годовщины Красной Армии). Утром твердо решив попытаться сделать „это“, я взял Илюшин револьвер в карман. Все деньги и наиболее интересные остатки моего уничтоженного архива (ведь я помирать собрался, так зачем же архив) я занес с тем, чтобы потом якобы зайти за ним.

Все утро ходил с револьвером в кармане. Все время ходил с револьвером и раздумывал, и опять встало это „но“. И опять я в самый последний момент решил, что глупо стоять на улице с револьвером, не зная, в какую дверь (в документе подчеркнуто синим карандашом. – Б. С.) проходят именитые гости на трибуну.

Я решил револьвер положить обратно (чтобы Илюша не заметил), а самому в этот вечер постоять у театра и разузнать все, что нужно.

Может быть, на это мое решение повлияло и то, что утром выяснилась удачная возможность пойти на следующей неделе с двумя родными „Агашками“ в театр.

Вечером я был у театра».

Но тогда раздобыть билет ему не удалось, а ждать наудачу кого-нибудь из вождей на улице Гуревич не захотел. Наконец судьба улыбнулась ему в виде приглашения в Большой театр на 10-ю годовщину Февральской революции 12 марта 1927 года. Вот что он писал Вайнштейн-Златовой о своем несостоявшемся покушении на Николая Бухарина:

«Убийство в день 10-летия, в день празднования торжественного начала революции будет иметь колоссальное значение – этого мне и хотелось.

Не надеясь особенно достать билет, решил все-таки попытаться достать револьвер (в оригинале три строки зачеркнуты).

Зашел к нему раз – дома не застал, зашел на следующий день – оказался дома и согласился револьвер одолжить на пару дней. Я ему не говорил, для чего мне нужен револьвер.

Он мне все же его дал и сказал при этом: „Смотри только не застрелись, а то моя совесть не чиста будет“.

„Да что ты, – говорю я, – я стреляться и не думаю“. – „Ну, а застрелить кого-либо ты все равно не способен“, – говорит он.

„Нет, куда мне“, – ответил я. Но про себя думаю: „Вот погоди, узнаешь, способен я или не способен“.

На следующий день я револьвер у него получил.

В этот же день я, вопреки моим предположениям, достал в редакции билет в театр на заседание. И билет есть, и револьвер есть. Значит, нужно только „хотенье“ и „это“ можно будет сделать. В 3 часа 30 мин. с револьвером в кармане я был в театре.

Пошел в партер, а нужно на трибуну влезть.

Я туда-сюда, по помещению, к начальству охраны: пропусти, мол, сотрудника „Правды“ на трибуну речь записать – ничего не удастся.

В паршивом несколько настроении. Внутри что-то говорит: „Вот видишь, ты не в силах – ничего больше не сделаешь, – значит, стрелять не придется“.

Но все-таки попытался еще раз (для очистки совести) попасть через ребят на трибуну, и удалось – вынесли билет, и вот я на трибуне. Ждем, беседуем с ребятами, и рукою в кармане револьвер поглаживаю.

„Вот, – думаю, – не знает никто, что сейчас произойдет. Вот сядут все спокойно и не подозревая, что сегодня в этом театре убийство произойдет“.

Начинается заседание.

Сталина нет, Рыкова нет, есть Бухарин.

„Ну, значит, давай в Бухарина стрелять“.

Посмотрел я на него – как-то жаль его стало, – уж больно симпатичен он. Но решил все равно – сегодня я должен в него выстрелить.

Наконец он кончил свой доклад, но не уходит, сидит в президиуме (я мог бы, конечно, к нему подойти и теперь, но решил, что стрелять при всем народе, переполнившим театр, не стоит – нецелесообразно, мол).

Решил подождать, когда он будет уходить.

Сижусь – слежусь за ним.

Вот он поднялся – я дрогнул, – все внутри задрожало, напряглось, но нет. Оказывается, он пересел на другой стул.

Вот обратно сел на место.

Я жду, вот, вот он подыметесь и пойдет.

Я решил – я пойду вслед за ним и, подойдя к нему – выстрелю в него. Жду, чувствую, все мускулы напряжены.

В кармане сжимаю рукоятку револьвера (на допросе Гуревич уточнил, что револьвер был системы „наган“. – Б. С.).

Вот, вот он собирается уходить. Берет папку свою и направляется к выходу. Я поднимаюсь одновременно с ним и тоже иду по направлению к выходу.

Мне кажется, что все смотрят на меня.

Мне кажется, что подозрительно на меня смотрят.

Я выхожу за кулисы.

Он задержался у стола стенографистов.

Я пошел посмотреть, где он. Он идет мне навстречу.

Все сторонятся, дорогу ему дают.

Я сжимаю рукоятку, думаю о том, как ее удобно взять, чтобы сразу вытащить и выстрелить.

Я чувствую, что рука, все тело уже горело. Интересно, что револьвер не вынимается сразу из кармана.

Но вот он пошел за военным (пропуск в копии документа), выстроился при виде его, смирно, руки по швам.

Вот сейчас, сейчас нужно вытащить револьвер и выстрелить.

Я слышу, явственно слышу и речь оратора, и говор толпы.

Я отлично понимаю, что вот сейчас нужно выпалить, что вот пришел момент, когда нужно выстрелить.

Но... рука осталась в кармане, револьвер тоже. Он прошел мимо меня, я не стрелял.

Мысли мелькают.

Мелькает мысль, что вот зайдет он в ту комнату, что напротив, оденет пальто и выйдет отсюда, это вот тогда я в него выстрелю. Но он поворачивает налево и заходит в ложу.

„Одевшись, он оттуда же уйдет, не пройдет мимо меня“, – решил я.

И ушел на сцену.

Сажусь на свой стул и чувствую, что весь трясусь и в этот момент думал о том, чтобы люди не заподозрили меня в чем-либо.

Но ничего, никто на меня не глядит.

Через пять минут я заговорил с ребятами.

Вот сейчас, когда я пишу эти строки, я сижу и думаю, верно мог бы я сидеть на месте, куда выходит дверь из ложи, ведь, может быть, тот солдат, что стоял у этой лестницы, и не остановил бы меня.

Почему я этого не сделал.

Нет, это ерунда.

Раз я не выстрелил в него тогда, когда он проходил мимо меня в первый раз, я бы не выстрелил бы и позже.

Но почему, все-таки почему я в него не выстрелил.

Вот сейчас мне кажется, что будь на его месте Сталин или Рыков, я бы определенно выстрелил, а вот Бухарина мне жаль было убивать.

Вот сейчас, мне кажется, что будь это не в присутствии столь многочисленного заседания, я бы и Бухарина убил.

Нет, и ни тогда, и никогда я никого не убью. „Кишка слаба“ – как говорил Джек Лондон.

Не хватает во мне чего-то.

Настоящий, типичный интеллигент.

Слова – но не дела.

Так и я. Вот, все возможности были, я не убил.

А все-таки кажется, что будь это Рыков, я бы убил».

Письмо Гуревич продолжил 27 марта вечером, накануне открытия съезда работников химической промышленности, на котором должен был выступать председатель Совнаркома А. И. Рыков. Соломон Наумович предстает здесь как типичный «лишний человек» русской литературы:

«Чего я только не испробовал. И в Университете был, и в Институте журналистики был, стенографией, и языками и всем чем угодно занимался. И все, абсолютно все бросил, не доведя до конца.

Не хватает во мне чего-то.

Вот даже с женищинами и то у меня чего-то не хватает. Нравлюсь я многим, но мог бы, я чувствую, что мог бы на моем месте другой что-либо сделать много в этой области, а я и здесь до конца не довожу.

Ведь никто не поверит и из моих знакомых, и даже моих родных, что я ни разу не жил с женищиной.

Всем кажется, что я живу хорошо-счастливо. Всегда веселый, улыбающийся, никогда не жалующийся ни на что. Симпатичен, умный и все что угодно. Разве не может он если не счастливо, то, по крайней мере, весело жить.

А вот не могу и не живу весело.

А впереди – что – один пережиток или начать пить, с проституткой возиться, или кончить жить.

Другого выхода нет.

Нет, вру, есть, есть выход. Я могу жениться и зажить тихой семейной счастливой жизнью.

Но вот этого я более всего боюсь: это меня свяжет, это лишит меня той свободы, той независимости, которая сейчас у меня есть. Жена, дети, да разве я могу это позволить. При моем непостоянстве, меня бросает от одного к другому и от другого к третьему, разве я смог бы навсегда связать свою жизнь жизнью другого существа. А искать и бросать – я того не смог. Не смог бы, потому что не хватило бы решительности порвать. И превратить бы жизнь мою в мещанскую такую спокойную, нудную жизнь. Нет, это меня не привлекает...

Я знаю – лучше жить, чем я сейчас живу, – я не хочу. Значит, нужно умереть... Но просто умирать я не хочу... Нет, если умирать решил, то с треском. Вот, убей Рыкова – вот и умереть бы смертью необыкновенной. Все о тебе заговорят. Весь мир – шутка ли. Весь мир будет о тебе говорить.

Шутка ли – убить председателя Совнаркома СССР. Убить его – и самому спокойно отдаться в руки власти. Вот пойду и испытаю сильное ощущение».

Но испытать сильное ощущение Гуревичу так и не удалось. Рыков на съезде хмпоромышленности так и не выступил. А уже 1 апреля 1927 года Гуревич был арестован ОГПУ. Очевидно, либо его письмо Вайнштейн-Златовой было перлюстрировано, либо она сама сообщила о террористических намерениях своего корреспондента в «дорогие органы». На допросах Гуревич сразу же во всем сознался, всячески подчеркивая, что действовал в одиночку. Он заявил о своих меньшевистских взглядах и невозможности поэтому вступить в большевистскую партию. Беспартийность же закрыла ему путь к журналистской и какой-либо другой значимой карьере (из Института журналистики его исключили как не состоящего в компартии). А стремление к лидерству было у Соломона Наумовича сильно развито. В родном Кременчуге он состоял до 1922 года одним из руководителей организации скаутов-интернационалистов. Гуревич признал, что «не имея абсолютно никаких знакомств с подпольщиками, мне никакой связи с меньшевистскими партийцами установить не удалось». Он утверждал: «Не считая, что единичный террор может существенно изменить ход истории, я полагал, что убийство кого-либо из вождей существующей власти явится своего рода протестом против того подавления свободы личности, которое мы сейчас имеем, и что этот выстрел покажет обществу на существующие среди молодежи настроения». Гуревич объяснил, что не выстрелил в Бухарина потому, что «глупо было стрелять в Бухарина, с которым мне приходилось сталкиваться в редакции „Правды“ (Николай Иванович был тогда ее главным редактором. – Б. С.) и которого я лично уважаю. Может быть, если бы это был Сталин или Рыков, я бы выстрелил» (РГАСПИ, ф. 329, оп. 2, д. 24, л. 21–42). Неизвестно, сбылась ли мечта Гуревича о расстреле. Был ли он казнен или, поскольку так и не осуществил своих намерений, всего лишь отправлен в лагерь. В последнем случае горе-террорист все равно вряд ли бы пережил террор 37-го.

История имеет свою иронию. Копии письма Гуревича и протоколы его допросов уже 30 апреля 1927 года были переданы заместителем начальника Секретного отдела ОГПУ Я. С. Аграновым предполагавшемуся объекту покушения – Н. И. Бухарину. Возможно, что когда его расстреливали в марте 1938 года, Николай Иванович вспомнил дело Гуревича и крепко пожалел, что у отставного скаута кишка оказалась тонка. Больше всего Бухарин боялся ожидания уже предрешенной смерти по приговору суда. Он и в последних письмах Сталину из тюрьмы, всячески цепляясь за жизнь, горько сожалел, что не умер от какой-нибудь тяжелой болезни, и просил, в крайнем случае, если уж нельзя помиловать, дать яд, чтобы умереть самому, а не от рук палачей. Гуревич в марте 1927 года вполне мог принести Бухарину легкую смерть, приближение которой тот бы даже не успел ощутить, сразу получив пулю в затылок. А вот ход истории и судьбы отдельных политиков выстрел Гуревича изменить действительно мог. Мало сомнений, что Сталин использовал бы его точно так же, как и выстрел в Кирова куда более удачливого террориста-одиночки Леонида Николаева в декабре 1934 года. Иосиф Виссарионович наверняка сказал бы проникновенную речь о «дорогом Бухарчике», любимце партии, которого убили по наущению злодеев Троцкого и Зиновьева. Первые фальсифицированные процессы троцкистов и зиновьевцев прошли бы тогда уже в 27-м, а не в конце 34-го. И Большой террор начался бы не в 36-м, а гораздо раньше. Следователи ОГПУ поработали бы с Гуревичем, и из не очень актуальных в тот момент меньшевиков превратили бы его в матерого троцкиста. Троцкого вряд ли бы выпустили за границу, а, как и Зиновьева с Каменевым, расстреляли бы или убили в тюрьме через пару лет после убийства Бухарина. Льва Давыдовича

никакие пытки и посулы не заставили бы играть роль на открытом политическом процессе. Его пришлось бы убирать втихую. Бухарин бы стал священным мучеником коммунизма, на карте страны появился бы с десяток Бухариных, Бухаринсков и Бухаринградов, а колхозные поля бороздили бы трактора «Бухаринец». Коллективизацию провели бы не в начале 30-х, а в конце 20-х, и в отсутствие предводительствуемой Бухариным правой оппозиции ее могло и не возникнуть. Именно Бухарин был душой правых. Без него Рыков и Томский могли бы и не рискнуть выступить против Сталина и получили бы, пусть небольшой, шанс уцелеть в кровавой чистке. Ход советской истории мог ускориться на целое десятилетие, хотя ее результаты вряд ли бы изменились.

Разве что Киров бы тогда имел все шансы уцелеть. Охрану вождей наверняка бы усилили, и Николаев вряд ли бы смог беспрепятственно пройти в Смольный с револьвером в кармане. В этом случае Киров, скорее всего, занял бы в советской номенклатуре 30-40-х годов то же место, что и наследовавший его пост в Ленинграде Жданов. Последний сильно злоупотреблял алкоголем и умер на четыре с половиной года раньше Сталина. А вот Сергей Миронович обладал железным здоровьем, не имел вредных привычек и вполне мог стать преемником Сталина. А вот какую политику повел бы он в этом случае – хороший сюжет для фантастического романа.

Выстрелы в Смольном

Убийство Сергея Мироновича Кирова, члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и вождя ленинградских коммунистов – это, пожалуй, не только наиболее громкий, но и наиболее мифологизированный теракт советской эпохи. Убиенный Киров стал вторым после Сталина героем советского мифа, беспощадным борцом с оппозицией и вдохновенным и неутомимым строителем нового светлого социалистического общества.

Выстрел в Смольном не только вызвал мощную волну репрессий, но и породил горы печатной продукции, где гибель будто бы горячо любимого народом Мироныча сначала возлагалась последовательно на всех уничтожаемых Сталиным конкурентов: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Ягоду, Троцкого, а потом, после XX съезда партии, – и на самого «отца народов», «великого вождя и учителя», который оказался, как сказал поэт Александр Галич, «не отцом, а сукою». Злодей Сталин, предавший ленинские заветы, организовал, по этой версии, убийство самого верного ленинца, чтобы развязать массовый террор и укрепить свою безраздельную власть над партией и народом.

В эпоху перестройки все сомневающиеся в том, что именно Сталин организовал заговор против Кирова, чуть ли не автоматически зачислялись в ряды противников демократических перемен. Властям всегда требовались простые, понятные широким массам мифы, которые помогают осуществлять те или иные повороты в политике. Истина же всегда неудобна и по большому счету волнует не так уж многих.

Только в 1993 году в Петербурге вышла книга историка Аллы Кирилиной «Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном», где, как кажется, расставлены если не все, то очень многие точки над *i*. Правда, которую приоткрывают закрытые прежде архивы ЦК и НКВД, в конечном счете не устраивает ни одну из политических сил современной России. Вывод, который уверенно сделала исследовательница, подвергся ожесточенной критике со стороны так называемой демократической общественности. Между тем, основываясь на материалах книги «Рикошет» и на некоторых других источниках, нельзя не прийти к выводу, что в случае с Кировым, как и со многими другими громкими политическими убийствами, мы имеем дело с акцией террориста-одиночки, а отнюдь не с заговором, будто бы организованным Сталиным для устранения опасного соперника и укрепления собственной власти.

Как же был убит Киров? Близко знавший Сергея Мироновича член Ленинградского обкома партии и врач по основной профессии Михаил Васильевич Росляков многие годы спустя, похлебав лагерную баланду и вкусив запоздалых плодов реабилитации, так вспоминал о роковом вечере 1 декабря 1934 года: «В пятом часу мы, сотрудники, собравшиеся на совещание в кабинете второго секретаря обкома (М. С. Чудова. – Б. С.), слышали выстрелы – один, другой. Сидевший у входных дверей кабинета Чудова завторготделом А. И. Иванченко первым выскочил в коридор, но моментально вернулся. Выскочив следом за Иванченко, я увидел страшную картину: налево от дверей приемной Чудова в коридоре ничком лежит Киров (голова его повернута вправо), фуражка, козырек которой упирается в пол, чуть приподнята и отошла от затылка. Под левой мышкой канцелярская папка с материалами подготовленного доклада: она не выпала совсем, но расслабленная рука уже ее не держит. Киров недвижим, ни звука. Его тело лежит по ходу движения к кабинету, головой вперед, а ногами примерно в 10–15 сантиметрах за краем двери приемной Чудова. Направо от этой двери, тоже примерно в 15–20 сантиметрах, лежит какой-то человек на спине, ногами вперед, руки его раскинуты, в правой находится револьвер. Между подошвами ног Кирова и этого человека чуть более метра, что несколько превышает ширину входной двери приемной Чудова, где находится его секретарь Филиппов. Подбегаю к Кирову, беру его за голову, шепчу: „Киров, Мироныч“. Ни звука, никакой реакции. Оборачиваюсь, подсакивая к лежащему преступнику, свободно беру из его

расслабленной руки револьвер и передаю склонившемуся А. И. Угарову. Ощупываю карманы убийцы, из кармана пиджака достаю записную книжку, партийный билет. Угаров, через мое плечо, читает: „Николаев Леонид“. Кто-то из подбежавших хочет ударить ногой этого Николаева, но мы с Угаровым прикрикнули на него – необходимо честное следствие, а не поспешное уничтожение преступника».

Показания других очевидцев разнятся только в несущественных деталях. В частности, некоторые утверждали, что в предсмертный миг Киров нес не папку, а портфель. И разумеется, между свидетелями выявились разногласия по поводу того, кто именно первый подбежал к телу Кирова и вынул партбилет у Николаева. Что ж, каждому хотелось войти в историю и утвердить себя в качестве первого, кто пытался помочь Миронычу и обезоружил и помог опознать его убийцу. Для нас все эти детали, повторяю, несущественны, хотя и показывают, что процесс сакрализации Кирова начался буквально с первых минут после его гибели.

К убитому секретарю Ленинградского обкома уже при жизни относились чуть ли не как к живому божеству. Культ личности главы коммунистов второй по величине парторганизации после московской уступал в Северной Пальмире, пожалуй, только сталинскому. И хотя по характеру ранения в затылок было очевидно, что поврежден головной мозг и что Киров умер мгновенно, была предпринята заведомо безнадежная попытка вернуть его к жизни с помощью искусственного дыхания и массажа сердца. Это больше походило на ожидание чуда воскресения. Первую помощь убитому попытались оказать присутствовавшие на совещании трое врачей (среди них Росляков). Через 5–7 минут прибыла доктор санчасти Смольного Мария Давидовна Гальперина. Кирова перенесли в его кабинет и положили на стол. В 1964 году М. Д. Гальперина вспоминала: «Руки продолжают делать искусственное дыхание, но жизнь вдохнуть в него я не в силах. А может быть я ошибаюсь, может вот эти профессора, которыми сейчас заполняется кабинет Сергея Мироновича Кирова, его спасут? Их сейчас много в кабинете: профессора Добротворский, Гессе, доктор Вайнберг. В этот момент подошел крупнейший хирург страны профессор Джанелидзе, он спросил меня: „Кто первый видел Кирова после выстрела?“ – „Я“. – „Он был еще жив?“ – „Нет, – ответила я, – он погиб сразу же“. – „Так почему вы до сих пор делаете искусственное дыхание?“ – „Потому что хочу его спасти“. – „Не спасете уже, – с горечью отвечал профессор. – Всё. Перед смертью мы бессильны“».

Был составлен акт о смерти, датированный 19 часами 55 минутами 1 декабря 1934 года. Там говорилось: «Тов. Киров был ранен в 16 час. 38 мин. около приемной тов. Чудова. При первом осмотре Богеном, Росляковым, Фридманом обнаружен тов. Киров лежащим лицом вниз с вытянутыми ногами и лежащими по бокам руками, причем изо рта и носа стужками шла кровь; кровь частично была и на полу. В двух-трех шагах от него распластавшись лежал другой, неизвестный человек. Через 7–8 минут после этого тов. Киров был перенесен в его кабинет. В это время, при переносе тела, явилась доктор Гальперина, которая констатировала цианоз (посмертное посинение. – Б. С.) лица, отсутствие пульса и дыхания, широкие, не реагирующие на свет зрачки. Сразу к ногам были положены горячие бутылки и произведено искусственное дыхание. При осмотре была констатирована рана в затылочной области. Впереди в лобной части слева оказалась большая гематома (кровоподтек). Была наложена давящая повязка и введена камфора, по два кубика три раза, кофеин два кубика два раза. Продолжалось искусственное дыхание. Прибыл врач Черняк в 16 ч. 55 мин. Врач Черняк застал тов. Кирова на столе, полное отсутствие пульса, дыхания, цианоз лица, синюшность конечностей, расширенные зрачки, не реагирующие на свет. Была впрыснута камфора и кофеин, продолжалось искусственное дыхание. В 5 ч. 10 мин. прибыл д-р Вайнберг, д-р Фейертат, д-р Цадкин и сразу за ним проф. Добротворский (прибыл в 5 ч. 15 мин.). Профессор Добротворский констатировал резкий цианоз лица, расширенные зрачки, не реагирующие на свет, полное отсутствие пульса и отсутствие сердечных тонов при выслушивании сердца. Было продолжено искусственное дыхание, был дан кислород и был впрыснут внутрисердечно один куб. сантиметр адреналина и

также дигален. Было заметно, что синюшность теряется, продолжалось искусственное дыхание еще в течение минут 25-ти. В 5 ч. 40 мин. прибыл проф. Джанелидзе. Он застал тов. Кирова, когда ему производилось искусственное дыхание. При исследовании констатировал: пульса и дыхания нет, тоны сердца не выслушиваются. Положение признано совершенно безнадежным. Несмотря на это, еще некоторое время производилось искусственное дыхание. Зрачки расширились до максимума и на свет не реагировали. Установлена смерть.

На фуражке тов. Кирова найдено сзади слева сквозное отверстие от пули. На черепе сзади на 5 пальцев от левого уха в области мозжечка имеется сквозное отверстие пули в центре затылочной кости. Над левой надбровной дугой припухлость от подкожного кровоизлияния.

Заключение: Смерть наступила мгновенно от повреждения жизненно важных центров нервной системы».

Да простят меня читатели за частые повторы скучных стандартных фраз: «полное отсутствие пульса и дыхания»; «расширенные зрачки, не реагирующие на свет». Но именно сухой язык медицинского протокола точнее всего передает состояние медицинских светил Ленинграда, более полутора часов терзавших бездыханное Кировское тело. Хотя уже доктору Гальпериной должно было бы через 10 минут стать ясно, что искусственное дыхание поможет пострадавшему не более, чем мертвому припарки. Ведь за время, прошедшее с момента выстрела, головной мозг должен был неизбежно погибнуть, и заставить Кирова подняться теперь могла лишь труба Страшного суда. Тем не менее только крупнейший специалист в области травматической хирургии будущий академик и Герой Социалистического Труда Юстин Юлианович Джанелидзе рискнул в начале второго часа бесполезных манипуляций признать положение безнадежным, хотя и после этого врачи какое-то время продолжали делать искусственное дыхание. Объяснение тут, по всей видимости, двоякое.

С одной стороны, Киров уже был положительным героем мифа, которого подсознательно наделяли сверхъестественными способностями чуть ли не к бессмертию и в чью «полную гибель всерьез» никак не могли поверить. С другой стороны, врачи Смольного и НКВД боялись обвинения, что не сделали всего возможного для спасения жизни члена Политбюро, и своими бессмысленными действиями создавали себе алиби, демонстрируя замечательное усердие.

Оставим, однако, врачей в здании бывшего Института благородных девиц, который уже был окружен плотным кольцом войск и чекистов (это постарался начальник ленинградского НКВД Ф. Д. Медведь, понимавший, что пребывает в этой должности последние дни, если не часы). Прокрутим ленту событий немного назад и посмотрим, как же произошло само покушение.

Единственным непосредственным свидетелем трагедии был электромонтер Смольного А. Платич, ремонтировавший проводку недалеко от приемной Чудова и стоявший на стремянке. Он обернулся на первый выстрел Николаева и тут же метнул в убийцу отвертку, попавшую тому в лицо. Очевидно, из-за боли рука Леонида Николаева дрогнула, и попытка самоубийства не удалась: пуля попала в стену под потолком. Если бы монтер не был столь меток, Николаеву, вероятно, удалось бы застрелиться, что, кстати сказать, затруднило бы позднейшую фабрикацию дела об антикировском заговоре. Без показаний человека, убившего Кирова (неважно, какими методами полученных), было бы очень непросто обвинить в соучастии в теракте массу совершенно непричастных к гибели вождя ленинградских коммунистов – не только бывших рядовых участников всевозможных внутривластных оппозиций, но и таких видных в прошлом оппонентов Сталина, как Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев. Безусловно, если бы убийство Кирова замышлялось Сталиным как необходимый повод для репрессий против всех своих реальных или потенциальных врагов, то непосредственные организаторы должны были позаботиться, чтобы Николаев остался в живых и сыграл отведенную ему роль на следствии и в суде. Между тем наложить на себя руки убийце Мироныча не позволил лишь случай: брошенная монтером отвертка. Уже одно это обстоятельство заставляет с большим скептицизмом

взглянуть на версию о злом Сталине, погубившем доброго Кирова, столь популярную среди публицистов хрущевской и перестроечной поры. Сомнения еще более усиливаются, когда мы обращаемся к личности Николаева.

Леонид Васильевич Николаев родился 19 мая 1904 года в Петербурге в семье рабочего. Жили Николаевы на Выборгской стороне. В 1908 году отец умер от холеры. У Леонида была старшая сестра Екатерина и младшая Анна, а уже после смерти отца родился в 1911 году брат Петр, уже от другого сожителя матери, получивший иное отчество – Александрович. Семья крайне нуждалась, часто недоедала. Мать, Мария Тихоновна, работала обтирщицей (уборщицей) трамвайных вагонов, т. е. находилась на самой низшей ступени социальной лестницы.

Леонид был болезненным мальчиком, страдал рахитом и до 11 лет не мог ходить. Лишенный возможности из-за нездоровья на равных играть со сверстниками, он любил читать, рано проявил интерес к учебе, но смог окончить только начальную школу. Работать Николаев начал в 16 лет в Самаре, где оказался в годы Гражданской войны. В Самарской губернии будущий убийца Кирова стал секретарем сельского совета, но вскоре вернулся в Питер. В мае 1921 года он устроился на службу в Выборгское отделение коммунального хозяйства Петросовета. Там Николаева приняли в комсомол, и он стал работать в Выборгском райкоме, а в апреле 1924-го вступил в партию. В армии Николаев по состоянию здоровья никогда не служил. В январе 1925 года Леонид Васильевич стал управляющим Лужского уездного комитета комсомола, но в мае не был аттестован в должности «как недавно прибывший и не выявленный по работе». В декабре того же года его окончательно снимают с этой должности и направляют в распоряжение Ленинградского горкома комсомола. Видно, с комсомольскими руководителями Лужского уезда отношения не сложились. Зато в этих местах он успел найти свое счастье – женился на красавице-латышке Мильде Петровне Драуле, дочери батрака. Она была старше мужа на три года, а в партию вступила еще в 1919 году. В Ленинград Леонид и Мильда вернулись вместе.

Революцию такие, как Николаев и его жена, принимали безоговорочно. Она не только позволяла выбраться из нужды, но и открывала возможность для продвижения в другой, более престижный социальный слой – управленцев (по-старому – чиновников). Первоначально за новую власть такие люди готовы были отдать в буквальном смысле слова свои жизни. Николаеву в Гражданской войне сражаться не довелось (из-за молодости и слабого здоровья). А вот Мильда Драуле участвовала в обороне Петрограда при наступлении войск Юденича и только чудом избежала расстрела белыми. В Луге она заведовала сектором учета в уездном партийном комитете.

И Николаев, и его жена имели вполне подходящие биографии для того, чтобы сделать неплохую карьеру по партийной или советской линии. В то время молодых членов партии из рабочих и беднейших крестьян, да еще не связанных ни с какими оппозициями, достаточно грамотных и имеющих некоторый опыт аппаратной работы, выдвигали очень охотно. Николаев поступил на завод «Красный арсенал» слесарем, потом строгальщиком. На самом деле рабочим он только числился, у станка не стоял, а трудился заведующим красным уголком, конторщиком, кладовщиком. Во время партийной чистки в октябре 1929 года Николаев на заводе уже не работал, но чистку проходил в прежней цеховой ячейке. Товарищи его сильно критиковали. Один из рабочих говорил, например: «По-моему, неверно говорят, что Николаева уволили за самокритику. Николаев сидел в кладовке и получал 6-й разряд, как слесарь. Тогда он кричал, что это не дело, что вы мне так мало платите, и просился на станок, и его перевели. Николаев стал зарабатывать 200 рублей. А потом ушел в конторку мастера. И сидя в конторке мастера Карташева, тогда он молчал, а когда его сократили, то стал говорить, что его сократили за самокритику» (вероятно, имелась в виду не самокритика, а критика в адрес начальства за несправедливое, по мнению Николаева, увольнение). Собрание постановило: «Считать проверенным. Оставить членом ВКП(б). Дать выговор за создание склоки через печать».

Чувствуется, что характер у Леонида Васильевича действительно был склочный, с людьми он сходилась трудно, и у большинства из тех, с кем вместе работал, оставил воспоминания малоприятные. К тому же несчастья так и сыпались на Николаева. В феврале 1929 года его оштрафовали на 25 рублей за неосторожную езду на велосипеде, да еще присудили выплатить 19 рублей пострадавшей (хотя она отделалась всего лишь легким испугом). Николаев пытался оправдываться, утверждал, что в наезде не виноват, но все было напрасно. Партийная ячейка за этот проступок поставила ему на вид. Вообще в николаевской жизни взысканий было куда больше, чем благодарностей.

После «Красного арсенала» Николаев трудился на заводе имени Карла Маркса заведующим красным уголком, хотя числился, как водится, рабочим. Оттуда в мае 1932 года он ушел в Ленинградский обком партии референтом отдела кустарно-промышленной секции. В августе того же года его назначили инспектором инспекции цен Ленинградской рабоче-крестьянской инспекции. На новом месте работы 23 октября 1933 года ему вновь пришлось проходить партийную чистку. На собрании среди отрицательных качеств Николаева назывались стремление всего добиться наскоком и нежелание работать над собой. Чистку он благополучно прошел. К этому моменту уже неделю как не работал в РКИ. С 16 октября 1933 года Леонид Васильевич Николаев был зачислен инструктором историко-партийной комиссии Ленинградского института истории ВКП(б). Эту работу можно было, правда, с большой долей условности, назвать даже творческой и научной. По крайней мере, она гораздо больше привлекала Николаева, чем связанная с постоянными разъездами по области и рутинной канцелярщиной служба инспектором РКИ. Для повышения образования Леонид Васильевич тогда же поступил учиться в коммунистический университет, закончить который он уже не успел.

В семье у Николаева все было благополучно. Родился второй сын. Мильда делала очень успешную карьеру. Пригодилось ее знание машинописи и стенографии. С 1930 года жена Николаева работала в Ленинградском обкоме партии, сначала учетчиком в секторе статистики, а позднее техническим секретарем сектора кадров легкой промышленности. Летом 1933 года ее назначили на куда более ответственную должность – инспектором учетно-распределительного отдела Управления уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду и области, а с ноября – инспектором по кадрам этого же управления с окладом в 275 рублей. Уровень зарплаты жены и мужа (Николаев имел оклад в 250 рублей) обеспечивал семье относительно безбедное существование. Тем более что Леонид и Мильда имели возможность пользоваться партийными распределителями и получать по умеренным ценам дефицитные продукты и товары. Тогда в результате коллективизации вся страна была посажена на карточки, и доступ к источникам снабжения значил даже больше, чем номинальный оклад. Казалось, ничто не предвещало катастрофы, погубившей практически все семейство Николаевых.

Любопытно, что у будущего убийцы Кирова в Ленинграде оказался практически полный двойник – рабочий Государственного оптико-механического завода Леонид Васильевич Николаев, который тоже родился в 1904 году в семье рабочего на Выборгской стороне и умер, как и убийца Кирова, в Ленинграде в 1934 году, только в мае, а не в декабре, и своей смертью. В подобном совпадении нет ничего необычного, поскольку фамилия Николаев – очень распространенная. Вот только номера партбилетов у тезок были разные: у убийцы Кирова – 0156283, а у Николаева с ГОМЗа – 0155932. Этот Николаев, в отличие от мужа Мильды Драуле, служил добровольцем в Красной Армии и участвовал в Гражданской войне. После гибели Кирова органы на всякий случай изъяли из архива личные дела обоих Л. В. Николаевых.

Такого рода совпадения породили многочисленные слухи об обстоятельствах биографии убийцы Кирова. Даже многие солидные исследователи всерьез утверждали, что он был активным участником Гражданской войны, служил в продотрядах или даже в ЧК. В Ленинградском обкоме работал инструктором еще один Николаев – Борис Иванович, который летом 1932 и 1933 годов проходил переподготовку в военных лагерях. Впоследствии многие вспоминали,

как якобы учились стрелять вместе с будущим убийцей Кирова, явно имея в виду не Леонида Васильевича, а Бориса Ивановича. В действительности, повторю, тот, исторический, Леонид Николаев по слабости здоровья ни в армии, ни на военных сборах никогда не был. У него была куда менее романтическая биография, биография рядового ленинградского аппаратчика, горячо преданного генеральной линии партии. Для большинства партийцев такого рода Киров был кумиром. Наверное, и для Леонида Васильевича державшийся запросто и с рабочими, и с работниками обкома Мироныч был до поры до времени источником самых теплых чувств – пока его собственная карьера не пошла под откос.

Гром грянул весной 1934 года. В Институте истории ВКП(б) проводилась партийная мобилизация на транспорт. Вероятно, к тому времени отношения Николаева с руководством института успели уже очень основательно испортиться, потому что на тяжелую работу на периферию решили бросить именно его, слабосильного с детства, да еще обремененного семьей с двумя детьми. А понять, что Леонид Васильевич – человек физически слабый, можно было при первом же взгляде на него. Представьте себе тщедушного мужчину очень маленького роста – всего 150 сантиметров, узкоплечего, с короткими кривыми ногами (следствие перенесенного в детстве рахита) и с очень длинными – до колен – руками. Общее впечатление лишь немного сглаживают довольно приятные черты лица.

Николаев от командировки отказался. Тотчас же последовали репрессии. Леонида Васильевича исключили из партии «за отказ подчиниться партдисциплине, обывательское реагирование на посылку по партмобилизации (склочные обвинения ряда руководящих работников-партийцев)». 3 апреля 1934 года директор института Отто Августович Лидак издал приказ: «Николаева Леонида Васильевича в связи с исключением из партии за отказ от парткомандировки освободить от работы инструктора сектора истпарткомиссии с исключением из штата института, компенсировав его 2-недельным выходным пособием». 8 апреля партсобрание института подтвердило решение парткома об исключении Николаева из рядов ВКП(б). Он апеллировал в Смольнинский райком. Там постановили: «Ввиду признания допущенных ошибок в партии восстановить. За недисциплинированность и обывательское отношение, допущенное Николаевым к партмобилизации, объявить строгий выговор с занесением в личное дело». Леонид Васильевич безуспешно добивался снятия взыскания. Аппаратной работы ему больше не предлагают, к станку возвращаться не хочется – там Николаев по слабосильности зарабатывал в бытность рабочим очень мало – от 70 до 120 рублей. Леонид Васильевич оказался безработным и пребывал в этом качестве вплоть до 1 декабря. Он писал письма в разные инстанции, в том числе Кирову и Сталину, а также в Политбюро, но отмены взыскания так и не добился. В письме Кирову Николаев, в частности, подчеркивал, что несколько лет работал на ответственных должностях, активно боролся с зиновьевской «новой оппозицией», но «вот уже четвертый месяц» сидит «без работы и без снабжения», но «на это никто не обращает внимания». В письмах Сталину и Политбюро он утверждал, что стал жертвой бездушных бюрократов и пострадал за критику. Ссылаясь на тяжелое материальное положение, просил обеспечить работой. Замечу, что в письме в Политбюро Николаев сделал в общем-то верные наблюдения в связи с безрадостной действительностью «реконструктивного периода»: «Для нас, рабочего люда, нет свободного доступа к жизни, к работе, к учебе. Мы въехали в новую квартиру, но за нее дерут так, что нет никакого спасения. О войне предсказывают, как метеорологи о погоде... Пусть будет так – война неизбежна, но она будет разрушительна и спасительна. Не столько же пострадает народ, как в нашу революцию 17 года – 30–50 млн чел. со всеми ее последствиями». Пожалуй, уже в этом письме проглядывает неуравновешенность Николаева, перескакивание с темы на тему и своеобразная апология насилия, предвосхищающая маоистскую теорию благодетельной для человечества революционной войны, за которой последует неременное торжество социализма во всем мире. Впрочем, здесь Николаев только сделал логический вывод из той милитаристской пропаганды, которая царилась в советском обществе в 30-е годы.

Позднее, на следствии, жена Николаева и сестра Екатерина показали, что он был очень подавлен увольнением с работы и тревожился за материальное положение семьи. На допросе 11 декабря Мильда Драуле утверждала: «Николаев обвинял ЦК ВКП(б) в том, что он ведет милитаристскую политику, тратя огромные средства на оборону страны, на строительство военных заводов и поднимает для этого искусственный шум о готовящемся на СССР нападении. Эта шумиха, по его словам, рассчитана на то, чтобы отвлечь внимание трудящихся от трудностей, вызываемых неверной политикой ЦК... Особенно острый характер его настроение и озлобление против партийного аппарата приняли после исключения из партии».

15 октября 1934 года Николаева задержали на улице Красных Зорь, недалеко от дома, где жил Киров. В ближайшем отделении милиции его обыскали, обнаружив револьвер, на который Николаев имел законное разрешение, выданное еще в 1924-м и перерегистрированное в 1930 году (оружием он разжился еще в грозном 1918 году). Тогда, до убийства Кирова, всем членам партии официально дозволялось иметь оружие, и разрешение на право его ношения выдавалось автоматически (со времен Гражданской войны считалось, что коммунистам приходится постоянно обороняться от бесчисленного количества врагов – чуть ли не от всего несознательного населения страны). На этот раз после разъяснительной беседы Николаева отпустили.

Подобных просителей, пытавшихся пробиться к Кирову со своими просьбами и жалобами, милиция во множестве задерживала и на Красных Зорях, и у Смольного. Неизвестно, собирался ли тогда Николаев стрелять в ленинградского секретаря или просто хотел пожаловаться на допущенную по отношению к нему несправедливость. Во всяком случае, 21 ноября он написал Кирову последнее письмо: «Т. Киров! Меня опорочили и мне трудно найти где-либо защиты. Даже после письма на имя Сталина мне никто не оказал помощи, не направил на работу. Однако я не один, у меня семья. Я прошу обратить Ваше внимание на дела института и помочь мне, ибо никто не хочет понять того, как тяжело переживаю я в этот момент. Я на все буду готов, если никто не отзовется, ибо у меня нет больше сил. Я не враг».

Ответа на этот крик души не последовало. Через несколько дней Киров отправился в Москву на Пленум ЦК. Вряд ли Сергей Миронович вообще читал николаевское письмо. Лишь в самом конце ноября он вернулся в Ленинград. 1 декабря было третьим днем его пребывания в городе. Однако Николаев, очевидно, уже утратил способность объективно оценивать происходящее. Идея громкого теракта все сильнее овладевала им. Кстати сказать, и предыдущее письмо Николаева Кирову, написанное в июле, вряд ли попало в руки адресата. И не только потому, что Киров едва ли имел возможность прочитывать всю направляемую ему корреспонденцию, и с большинством писем-жалоб, вероятно, разбирался его секретариат. Главное – Сергея Мироновича в тот момент также не было в Ленинграде. 24 июля он уехал на отдых в Сочи и вернулся только в конце августа, чтобы через несколько дней отбыть в Казахстан и вновь вернуться в город на Неве лишь в начале октября.

1 декабря 1934 года Киров собирался провести в Таврическом дворце партийно-хозяйственный актив по итогам Пленума и Центрального Комитета партии и даже не планировал заезжать в Смольный. Николаев же появился в Смольном лишь для того, чтобы попытаться достать через знакомых пригласительный билет на актив. В штаб ленинградских коммунистов попасть тогда не составляло труда. На первом этаже размещались обком и горком ВЛКСМ, на втором – Ленсовет и облсовет, на третьем – обком и горком ВКП(б). Вход на первые два этажа был свободный, а перед третьим располагался пост охраны. Однако коммунистов пускали по разовым пропускам, автоматически выдававшимся по предъявлении партбилета. Самого Кирова, конечно, охраняли тщательнее, тем более что ему не раз угрожали. Сохранилось, например, следующее анонимное письмо от 1 декабря 1926 года: «Тов. Киров, а тебе мы, оппозиционеры, заявляем: перестань барствовать, мы знаем, где ты живешь. И если поедешь в автомобиле, то мы, оппозиция, в одно прекрасное время будем ловить таких паразитов, как ты, тов. Киров, и мы вас всех паразитов постараемся уничтожить». В июле 1933 года один

студент сообщал Кирову, что слышал разговор двух иностранцев, обсуждавших возможность покушения на главу ленинградских коммунистов. Проникали в Ленинград и белые террористы, связанные с Русским общевоинским союзом. Об одном подобном инциденте рассказал бывший сотрудник ОРУДа Ленсовета А. П. Пальчинский: «Это было летом 1934 года. Ночью меня срочно вызвали на службу. И предложили незаметно в сторону Сестрорецка провести несколько машин, в которых находились военные. В мою машину сел Фриновский (один из руководителей НКВД. – Б. С.). Сначала я этого не знал. Но когда приехали на место, нам сообщили, что белогвардейские террористы, обученные всем приемам стрельбы, заброшены в Ленинград убить Кирова, а на его похоронах совершить теракт против Сталина. В операции приняло участие около четырех тысяч человек. Нам дали словесные портреты террористов, но взять их не удалось. Они были обнаружены железнодорожной охраной и при перестрелке скрылись». Не помогла и назначенная за их поимку весомая по тем временам награда – корова. Позднее было документально подтверждено, что тогда по каналам эмигрантского Русского общевоинского союза (РОВСа) из Финляндии в СССР пытались проникнуть некий Г. Н. Прилуцкий с напарником. Избежав расставленных на них НКВД капканов, они благополучно вернулись обратно.

Эта неудача белоэмигрантов – еще одно подтверждение того, что подготовленным террористам, связанным с какой-либо организацией, оказывается труднее осуществить задуманное, чем дилетантам-одиночкам. Конечно, материальные возможности РОВСа для осуществления теракта были неизмеримо больше, чем у Леонида Николаева, но и вероятность того, что исполнители станут жертвой предательства, была очень высока. Ведь организация была буквально наспигована советскими агентами, вроде одного из руководителей РОВСа генерала Н. В. Скоблина. Поэтому НКВД заранее было информировано о миссии Прилуцкого и поджидало террористов. Первая версия, которую чекисты стали отрабатывать сразу после убийства Кирова, касалась как раз связей Николаева с белой эмиграцией. Поэтому сразу же после покушения шеф НКВД Г. Г. Ягода настойчиво допытывался по телефону у заместителя начальника Ленинградского управления внутренних дел Ф. Т. Фомина, не иностранного ли производства одежда на Николаеве. Данная версия очень быстро была отброшена, но на всякий случай расстреляли 103 человека в Ленинграде и области, легальными и нелегальными путями нерасчетливо вернувшихся из эмиграции с сугубо мирными и по-человечески понятными намерениями – воссоединиться с семьями.

Итак, 1 декабря билета в Таврический Николаев достать не смог, хотя приложил к этому немалые усилия. Потом тех работников обкома, кто имел несчастье с ним беседовать и сказать, что доклад на активе будет делать Киров, исключили из партии за «недостойную члена партии болтовню и несоблюдение элементарных для каждого члена партии, а особенно сотрудников обкома, условий конспирации, выразившееся в даче сведений о работе обкома и, в частности, о товарище Кирове – Николаеву Л., который не имел никакого отношения к обкому». Столь суровые меры были приняты даже несмотря на то, что «не имевший никакого отношения к обкому» Николаев полученной «конспиративной» информацией никак не воспользовался. И в Таврический дворец идти ему не пришлось. Все получилось как по присказке: на ловца и зверь бежит.

По показаниям всех свидетелей, Киров 1 декабря в Смольный заезжать не собирался, а думал ехать сразу в Таврический дворец, где в шесть часов вечера должен был открыться актив. Утром он несколько раз звонил в Смольный и просил все необходимые для доклада материалы доставить на квартиру. Курьер Ленинградского обкома М. Ф. Федорова вспоминала: «Я в этот день была у Сергея Мироновича четыре раза – возила к нему материалы. В этот день он не должен был быть в Смольном, так как готовился к докладу.

Я поехала в 2 ч. 30 мин., он сам открыл мне дверь, так как не было ни Марии Львовны (жена Кирова. – Б. С.), ни домработницы. Сергей Миронович принял материалы, и я у него

спросила, нужно ли приехать еще. На это он мне сказал, что приезжать не надо». Потом Киров еще дважды звонил в Смольный – около трех и в четверть четвертого. Как раз в три часа у Чудова началось совещание, где обсуждали предстоящую отмену карточек. По свидетельству присутствовавших на совещании, из телефонных переговоров было ясно, что в Смольный Киров перед активом заезжать не собирается. Однако около четырех часов он позвонил в гараж, находившийся в том же доме, где он жил. Киров попросил подать машину к мосту Равенства (Троицкому). В четыре часа он вышел из дома, прошел пешком несколько кварталов, сел в машину и около половины пятого приехал в Смольный, куда вошел через главный, а не через специальный секретарский подъезд.

Кировский охранник Михаил Васильевич Борисов на допросе 1 декабря показал: «Я встретил Кирова около 16 часов 30 минут в вестибюле главного подъезда и пошел за ним примерно на расстоянии 15 шагов», и эти показания вполне подтверждаются очевидцами. Между вторым и третьим этажом к Кирову подошел секретарь Хибинского горкома партии П. П. Семячкин, рассказывавший в 1935 году: «С утра зашел в Смольный и пробыл там примерно до 16 часов, после чего начал спускаться с 3-го этажа вниз в столовую. В это время на лестнице второго этажа неожиданно встретил Сергея Мироновича, поздоровался и начал говорить, что собираемся отпраздновать пятую годовщину Хибинского горкома, и шел с ним рядом в обратном направлении со 2-го на 3-й этаж. По дороге Мироныч мне сказал: „Сейчас иду к секретарям согласовывать проект решения по докладу на Пленуме, завтра приходи утром, и мы договоримся о порядке празднования“. После этого разговора я простился с ним в коридоре третьего этажа и пошел вниз в столовую». В этом коридоре Киров встретил референта одного из отделов обкома Н. Г. Федотова, поговорил с ним несколько минут и затем пошел вправо все по тому же коридору. Дальше предоставим слово уже знакомой нам М. Ф. Федоровой: «Я видела Николаева, который стоял у стенки. Я удивилась тому, что он, стоя у стенки, странно косился, и одна его рука была заложена за борт. Я хотела подойти к нему, но не успела, о чем после очень жалела, так как если бы я подошла, то, конечно, отвлекла бы его внимание. Я не видела, что сзади шел Сергей Миронович. Я думала, что Николаеву худо».

Сам Николаев на допросе подробно описал все обстоятельства покушения. Не достав билет в Таврический, он зашел в туалет, а выйдя оттуда, увидел Кирова, идущего главным коридором Смольного, и отвернулся к стене. Немного не доходя до конца, Киров свернул налево в коридор, ведущий к его кабинету. Николаев рассказывал следователям: «Как только Киров прошел мимо меня, я пошел вслед за ним и с расстояния 2-4-х шагов выстрелил ему в затылок».

Легко убедиться, что успеху Николаева способствовала цепь случайностей. Киров, не собиравшийся в Смольный, захотел все-таки перед активом обсудить с секретарями проект постановления. Это решение он принял тогда, когда Николаев уже находился в Смольном. Одно это обстоятельство подрывает все существующие версии о заговоре. Даже если предположить, что убийство Кирова организовали чины НКВД с ведома и по поручению Сталина, у них не было никакой возможности предупредить будущего убийцу, что Киров вот-вот появится в своем кабинете. Мобильных телефонов, как известно, тогда не существовало. Если бы Сергей Миронович воспользовался не главным, а секретарским подъездом, куда обычную публику не пускали, их встреча с Николаевым не состоялась бы никогда. Наконец, если бы Леонид Васильевич задержался в туалете на пару минут дольше или, наоборот, справил бы свои естественные потребности на две-три минуты быстрее, то он тоже не столкнулся бы лицом к лицу со своей жертвой.

Николаеву благоприятствовало и то, что телохранитель Борисов отстал от Кирова на целых пятнадцать шагов. Впоследствии многие видели в этом чей-то злой умысел и связывали это обстоятельство с внезапной гибелью Борисова на следующий день, 2 декабря. Однако подобное нарушение служебной инструкции, скорее всего, имело чисто житейское объясне-

ние. Киров очень тяготился охраной, ему неприятно было ощущать за своей спиной «тень» охранника, а Ф. Д. Медведю он шутил говорил: «Ты скоро танки возле моего дома поставишь». По требованию начальника ленинградского НКВД еще с осени 1933 года охрана Кирова была усилена. Помимо двух сменявших друг друга телохранителей его охраняли и негласные агенты (среди них были швейцар дома № 26/28 по Красным Зорям, где жил Сергей Миронович). Всего жизнь Кирова оберегало 15 человек, а во время поездок его сопровождала автомашина прикрытия. Тем не менее нелюбовь Кирова к слишком, по его мнению, назойливой заботе о его безопасности могла побудить того же Борисова следовать за своим объектом в некотором удалении, чтобы не попадаться Кирову на глаза и не раздражать его. Тем самым телохранитель невольно помог Николаеву реализовать свой замысел. Впрочем, даже если бы Борисов действительно следовал тенью за Кировым, это не обязательно предотвратило бы покушение. Николаев мог выстрелить Кирову в лицо, а не в затылок. Правда, учтем, что наверняка это было первое убийство в жизни Николаева, которому повоевать так и не довелось. Поэтому ему было бы трудно убивать свою жертву, глядя ей прямо в глаза (даже опытные палачи предпочитают завязывать глаза приговоренным). Но Леонид Васильевич также мог спокойно пропустить вперед и Кирова, и Борисова (если бы телохранитель шел сразу за Сергеем Мироновичем), а потом со спины расстрелять обоих. Оплошность Борисова лишь облегчила его задачу.

После ареста первый допрос Николаева провел заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Ф. Т. Фомин. Дело происходило уже в «Большом доме» на Литейном, 4, где помещалось управление. Впоследствии Фомин так характеризовал поведение подследственного: «Убийца долгое время после приведения в сознание кричал, забалтывался и только к утру стал кричать: „Мой выстрел раздался на весь мир“». Чекисты съездили на квартиру к Николаеву (Лесной проспект, 13/8, кв. 41), где нашли его дневник, во многом прояснивший мотивы убийства. Туда Леонид Васильевич записывал свои мысли и впечатления, чаще всего без хронологической привязки. После скандала в институте коммунист «ленинского призыва» в коммунизме решительно разочаровался, утверждая, что «коммунизма и за 1000 лет не построить».

Пожалуй, чем-то Николаев напоминает инвалида-философа Жачева из повести Андрея Платонова «Котлован». Тот тоже в финале признавался: «Я теперь в коммунизм не верю!» На неверие платоновского героя толкнула смерть невинной девочки Насти при рытье непонятно для чего предназначенного котлована, символизирующего социалистическое строительство. И реагирует он на гибель ребенка весьма своеобразно – решением убить местного руководителя: «Я урод империализма, а коммунизм – это детское дело, за то я и Настю любил. Пойду сейчас на прощанье товарища Пашкина убью». Платонов, окончивший повесть в апреле 1930 года – за четыре года до того, как Николаева уволили из института и тем зародили у него мысль убить кого-нибудь из руководства, – размышлял о перспективах социализма, который когда-то был кровным для него делом: «Погибнет ли эсесерша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество? Это тревожное чувство и составило тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего».

Николаев платоновский «Котлован», разумеется, никогда не читал. И на отрицание коммунизма его толкнула отнюдь не слезинка невинного ребенка, а вполне прозаическое увольнение с престижной и необременительной службы и суровое взыскание по партийной линии. Но вот реакция у него была, точно, жачевская: кого-нибудь убить. Кого именно, Николаев размышлял довольно долго. Среди возможных кандидатур Леонид Васильевич записал в дневнике непосредственного обидчика – директора института Лидака, а также второго секретаря Ленинградского обкома – Чудова, но в конце концов пришел к обоснованному выводу: «лучше всего Кирова». Как-никак фигура заметная – член Политбюро, секретарь ЦК. Наверняка войдешь в историю. Правда, с точки зрения истории лучше было бы (во всех смыслах) убить самого

Сталина. Однако Николаев реалистически оценивал свои возможности. Иосиф Виссарионович далеко, в Москве, в Кремле, до него рядовому ленинградскому партийцу, да к тому же безработному, никак не добраться. А Мироныч свой, ленинградский, можно сказать, под боком. Чтобы войти в историю, встать в один ряд с Желябовым и Радищевым (а именно с ними сравнивал себя Николаев в дневнике, хотя автор «Путешествия из Петербурга в Москву», слава богу, никого не убивал), хватит и одного точного выстрела в Кирова. Над тем, что последует за этим выстрелом, Леонид Васильевич, очевидно, толком не задумывался. В октябре 1934 года он записал: «Я на все теперь буду готов, и предупредить этого никто не в силах. Я веду приготовление подобно Желябову». А в прощальном письме горячо любимой матери накануне покушения признается: «Я сижу пятый месяц без работы и без хлеба. Однако я силен, чтобы начатое мною дело довести до конца. Это исторический факт. Нет, я ни за что не примирюсь с теми, с кем боролся всю жизнь». Борьба с убийцей Кирова приходилось, как он говорил, с «бюрократами», с которыми он заводил склоки практически во всех учреждениях и на предприятиях, где довелось работать. Неуживчивый характер Николаева сильно мешал карьере, а именно продвижение по службе, похоже, до определенного момента составляло главную цель жизни будущего террориста. Потом главным стала подготовка громкого покушения, чтобы вся страна, весь мир узнали Леонида Васильевича Николаева. В письме-завещании к жене он утверждал: «Мои дни сочтены, никто не идет к нам навстречу. Вы простите меня за всё. К смерти своей я еще напишу Вам много».

Несомненно, себя Николаев расценивал очень высоко, а убийство одного из руководителей страны, по его замыслу, позволяло встать вровень чуть ли не со Сталиным (который действительно вынужден был снизить до Николаева и лично допросить Леонида Васильевича на следующий день после выстрела в Смольном). Однако сколь ни была бы завышена николаевская самооценка, террорист прекрасно сознавал, что даже в случае успеха покушения шансов скрыться с места преступления у него не будет никаких. Поэтому Николаев готовился покончить с собой сразу после выстрела в Кирова. Однако застрелиться не удалось: случайно помешала брошенная монтером отвертка. Николаев оказался в руках чекистов, а потом в тюремной камере. К такому повороту событий он явно не был готов. Вся не слишком длинная жизнь Николаева доказывает, что это был человек не только неуживчивый, но и нервно неуравновешенный. А ведь даже для человека с крепкими нервами пребывание в тюрьме, в условиях несвободы – тяжелое испытание. Что уж тут говорить о Николаеве, который сразу после смерти Кирова впал в прострацию, а перед этим собирался покончить с собой. Тем более что в камере ему приходилось ожидать почти неминуемого расстрела.

Единственной отдушиной в тюрьме для Леонида Васильевича стало литературное творчество. Он много писал: автобиографический рассказ «Последнее прощание», письмо «Дорогой жене и братьям по классу», «Политическое завещание» («Мой ответ перед партией и отечеством»). Одни только заголовки как будто бы однозначно свидетельствуют о политических мотивах, толкнувших Николаева на преступление. И содержание написанного свидетельствует о том же. Террорист жалуется на бездушных бюрократов, несправедливо уволивших его, говорит о неверии в светлое коммунистическое будущее, о высокой миссии в истории героев-народовольцев, о том, что он тоже готов не только разоблачить социальные язвы советского общества, но и пожертвовать жизнью ради восстановления социальной справедливости, выполнив свою историческую миссию.

На первых допросах, проводившихся в период с 1 по 6 декабря, Николаев категорически утверждал: «Совершил индивидуальный террористический акт в порядке личной мести»; «действовал один»; «совершил убийство в одиночку». 2 декабря в Смольном Николаева допрашивал сам Сталин в присутствии Молотова, Ворошилова, Жданова, Ягоды, Ежова и еще нескольких руководителей партии и НКВД. Во время допроса подследственный впал в состояние нервного шока, потом в истерику, никого не узнавал, кричал: «Я отомстил»,

«простите», «что я наделал». После возвращения из Смольного Николаеву оказывал помощь врач-невропатолог. Сохранился рапорт сотрудника НКВД (после того как Николаев в тюрьме пытался покончить с собой, в его камере было введено круглосуточное дежурство). Когда Леонид Васильевич немного пришел в себя после допроса Сталиным, он сообщил: «Сталин обещал мне жизнь, какая чепуха, кто поверит диктатору. Он обещает мне жизнь, если я выдам соучастников. Нет у меня соучастников». То, что «любимого вождя и учителя» террорист назвал диктатором, говорит в пользу политической подоплеки его выстрела. Однако существовала тогда и существует до сих пор еще одна версия, куда более романтическая.

Незадолго до смерти ее изложил в своих мемуарах «Разведка и Кремль» отставной генерал-лейтенант госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов. Предоставим ему слово: «Когда погибает перебежчик или кто-либо из политических деятелей, тут же начинают выдвигать самые разные версии ухода человека из жизни. Наиболее естественная причина смерти или логически объяснимый мотив убийства зачастую остаются погребенными под напластованиями лжи из-за недомолвок и взаимного сведения счетов.

Киров был убит Николаевым. Жена Николаева, Мильда Драуле, работала официанткой при секретариате Кирова в Смольном. Естественно, охрана пропускала Николаева в Смольный по партбилету. Кстати говоря, по партбилету можно было войти в любую партийную инстанцию, кроме ЦК ВКП(б). В Смольном, как и в других обкомах, не было системы спецпропусков для членов партии, и Николаеву требовалось только предъявить свой партбилет, чтобы попасть туда, куда был запрещен вход посторонним.

От своей жены, которая в 1933–1935 годах работала в НКВД в секретном политическом отделе, занимавшейся вопросами идеологии и культуры (ее группа, в частности, курировала Большой театр и Ленинградский театр оперы и балета, впоследствии Театр им. С. М. Кирова), я узнал, что Сергей Миронович очень любил женщин, и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском. (После убийства Кирова отдел НКВД подробно выяснял интимные отношения Сергея Мироновича с артистками.) Мильда Драуле прислуживала на некоторых кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина также была одной из его „подружек“. Ее муж Николаев отличался неуживчивым характером, вступал в споры с начальством и в результате был исключен из партии. Через свою жену он обратился к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком. Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил „соперника“. Это убийство было максимально использовано Сталиным для ликвидации своих противников и развязывания кампании террора. Так называемый заговор троцкистов, жертвой которого якобы пал Киров, с самого начала был сфабрикован самим Сталиным. Сталин, а за ним Хрущев и Горбачев, исходя из своих собственных интересов и желая отвлечь внимание от очевидных провалов руководства страной, пытались сохранить репутацию Кирова как рыцаря без страха и упрека. Коммунистическая партия, требовавшая от своих членов безупречного поведения в личной жизни, не могла объявить во всеулышание, что один из ее столпов, руководитель ленинградской партийной организации, в действительности запутался в связях с замужними женщинами».

Официальные версии убийства, опубликованные в прессе, представляют собой вымысел от начала до конца. Сталинская версия заключалась в том, что Николаеву помогали руководители Ленинградского НКВД Медведь и Запорожец по приказу Троцкого и Зиновьева. Хрущевская же версия такова: Кирова убил Николаев с помощью Медведя и Запорожца по приказу Сталина. Но документы показывают, что Запорожец, считавшийся ключевой фигурой среди заговорщиков и якобы связанный с Николаевым по линии НКВД, в то время сломал ногу и находился на лечении в Крыму. Возникает вопрос: мог ли один из руководителей, готовивших заговор, отсутствовать так долго в самый решающий период трагических событий?

Хрущев, подчеркивая тот факт, что многие партийные руководители упрашивали Кирова выставить свою кандидатуру на пост Генерального секретаря на XVII съезде партии, и обвинял Сталина в том, что, узнав о существующей оппозиции, тот решил ликвидировать Кирова. Для Хрущева подобная версия давала возможность выставить еще одно обвинение в длинном списке преступлений Сталина. Документов и свидетельств, подтверждающих причастность Сталина или аппарата НКВД к убийству Кирова, не существует. Киров не был альтернативой Сталину. Он был одним из непреклонных сталинцев, игравших активную роль в борьбе с партийной оппозицией, беспощадных к оппозиционерам и ничем в этом отношении не отличавшихся от других соратников Сталина.

Версия Хрущева была позднее одобрена и принята Горбачевым как часть антисталинской кампании. Скрывая истинные факты, руководители пытались спасти репутацию коммунистической партии, искали фигуры, популярные в партии, которые якобы противостояли вождю. Создавался миф о здоровом ядре в ЦК во главе с Кировым в противовес Сталину и его единомышленникам.

Вся семья Николаева, Мильда Драуле и ее мать были расстреляны через два или три месяца после покушения.

Высшие чины НКВД, особенно те, кто был осведомлен о личной жизни Кирова, знали: причина его убийства – ревность обманутого мужа. Но никто из них не осмеливался даже заговорить об этом, так как версию о заговоре против партии выдвинул сам Сталин, и оспаривать ее было крайне опасно.

Среди историков партии давно бытовало мнение, что роман Мильды Драуле с Кировым закончился смертельным исходом из-за ревности ее мужа, Николаева, известного своей неуравновешенностью и скандальным характером. Материалы, показывающие особые отношения между Мильдой Драуле и Кировым, о которых я узнал от своей жены и генерала Райхмана, в то время начальника контрразведки в Ленинграде, содержались в оперативных донесениях осведомителей НКВД из ленинградского балета. Балерины из числа любовниц Кирова, считавшие Драуле своей соперницей и не проявившие достаточной сдержанности в своих высказываниях на этот счет, были посажены в лагеря за «клевету и антисоветскую агитацию».

Да, читать мемуары генерала Судоплатова – одно удовольствие. Человек, организовавший убийство одного из лидеров украинских националистов Евгена Коновальца (кстати, это прототип полковника Торопца, командующего корпусом облоги, из булгаковской «Белой гвардии») и самого Льва Давидовича Троцкого, бесспорно, обладал острым аналитическим умом. И знал немало. К судоплатовской оценке мифов, возникших в связи с убийством Кирова, просто нечего добавить. Автор почтительно снимает шляпу. Но, разоблачая политически ориентированные фантазии партийного руководства от Сталина до Горбачева, отставной генерал, отсидевший немалый срок по сфальсифицированному делу о заговоре Берии и реабилитированный только в 1991 году, уже после августовского путча, сам горячо поддерживает старый миф о будто бы существовавшей ревности Николаева к Кирову как основном мотиве убийства последнего.

Павел Анатольевич абсолютно прав, когда утверждает, что покушения на более или менее известные персоны тотчас обрастают слухами и, я бы сказал, неким стандартным набором версий. И в этом наборе ревность, как правило, стоит на первом месте. В случае же с Кировым слухи об интимных отношениях между женой Николаева с лидером ленинградских коммунистов должны были возникнуть совершенно неизбежно. Дело в том, что Сергей Миرونвич действительно пользовался репутацией заядлого донжуана. В этом Судоплатов опять-таки прав.

Не так давно один знакомый рассказывал, что когда в начале 80-х годов в музее Кирова в Астрахани, обороной которой он руководил в годы Гражданской войны, стали реставрировать знаменитый кировский кожаный диван, то внутри под обшивкой обнаружили – что бы вы

думали? – не один десяток дамских шпилек. Выходит, Сергей Миронович и в тяжелое время борьбы с белогвардейцами геройствовал не только на военном фронте, но и на любовном. И недаром ленинградский балет, по многочисленным свидетельствам, называли кировским еще при жизни вождя местных коммунистов, поскольку к тамошним балеринам он действительно был неравнодушен. А вот насчет балерин Большого театра Судоплатов, пожалуй, преувеличил. Бывший разведчик и террорист, он в своей второй жизни, уже после увольнений из органов, стал человеком сугубо мирной профессии – детским писателем, и, очевидно, его увлек полет творческой фантазии. Как мы убедимся дальше, Киров в Москву наезжал очень редко, манкировал даже большинством заседаний Политбюро. Мягко говоря, сомнительно, чтобы у него тут оставалось время еще и на шашни с балеринами Большого.

Слухи же о том, что Мильда Драуле была любовницей Кирова, по Ленинграду ходили. Только возникли они на следующий день после выстрела Николаева. Так, например, был исключен из партии фрезеровщик завода «Светлана» Петр Иванович Березинин, ставший большевиком еще в боевом 18-м. Исключен «за распространение клеветнических слухов, порочащих С. М. Кирова». Вся вина несчастного Петра Ивановича заключалась в том, что 2 декабря, узнав о происшествии в Смольном, он имел неосторожность заявить в разговоре с товарищами (среди которых, несомненно, был кто-то, кому по должности полагалось слушать очень внимательно): «Киров убит на почве ревности». За то же самое поплатился и слесарь госзавода № 4 Франц Адамович Ранковский, сказавший кому-то, будто «Сергей Миронович Киров был убит Николаевым из-за ревности к жене». Стоит ли говорить, что ни фрезеровщик, ни токарь с Леонидом Николаевым и Мильдой Драуле знакомы никогда не были, о существовании Николаева узнали из газет и, на свою беду, по классической схеме сконструировали показавшийся убедительным мотив преступления. Ведь слухи о любовных похождениях Мироныча наверняка были распространены в городе еще при его жизни.

Если бы я был писателем и сочинял роман об убийстве Кирова, то версия о любовном треугольнике Киров – Драуле – Николаев была бы для меня самой выигрышной, сразу бы вызвала к книге неподдельный читательский интерес. Что делать, любит народ пикантные подробности из жизни великих. Однако я в своем повествовании стремлюсь оставаться на твердой почве фактов, а не поэтических домыслов, и потому с огромным сожалением вынужден отказаться от попытки объяснить гибель Кирова его интимными отношениями с Мильдой Драуле. Не было между ними ничего.

Слов нет, Сергей Миронович пользовался большим успехом у женщин. И те же ленинградские балерины, когда говорили, что погиб он из-за любви к жене Николаева, имели куда больше оснований думать так, чем простые рабочие ленинградских заводов. Они-то, балерины, можно сказать, на себе прочувствовали весь кировский темперамент, и потому мысль об убийстве из-за ревности казалась девушкам из ленинградского театра наиболее естественной. И поплатились они, думается, за длинные языки, а не за длинные ноги, вызвавшие в свое время повышенное внимание со стороны Кирова. Беда балерин заключалась не в том, что они были кировскими любовницами. Погубила их чересчур откровенная болтовня на эту тему, и особенно попытки напрямую связать убийство с любовными похождениями Мироныча. Думаю, что жена Судоплатова действительно рассказывала мужу насчет связи Кирова с балеринами и о печальной судьбе этих последних. Поскольку девушки, очевидно, были беспартийными и, в отличие от чересчур говорливых рабочих-партийцев, на самом деле знали много лишнего об уже мифологизированном Мироныче, их наказали не исключением из партии, а куда суровее – ссылкой. Только говорить о близких отношениях между Кировым и Мильдой Драуле, я уверен, балерины начали не до, а уже после убийства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.